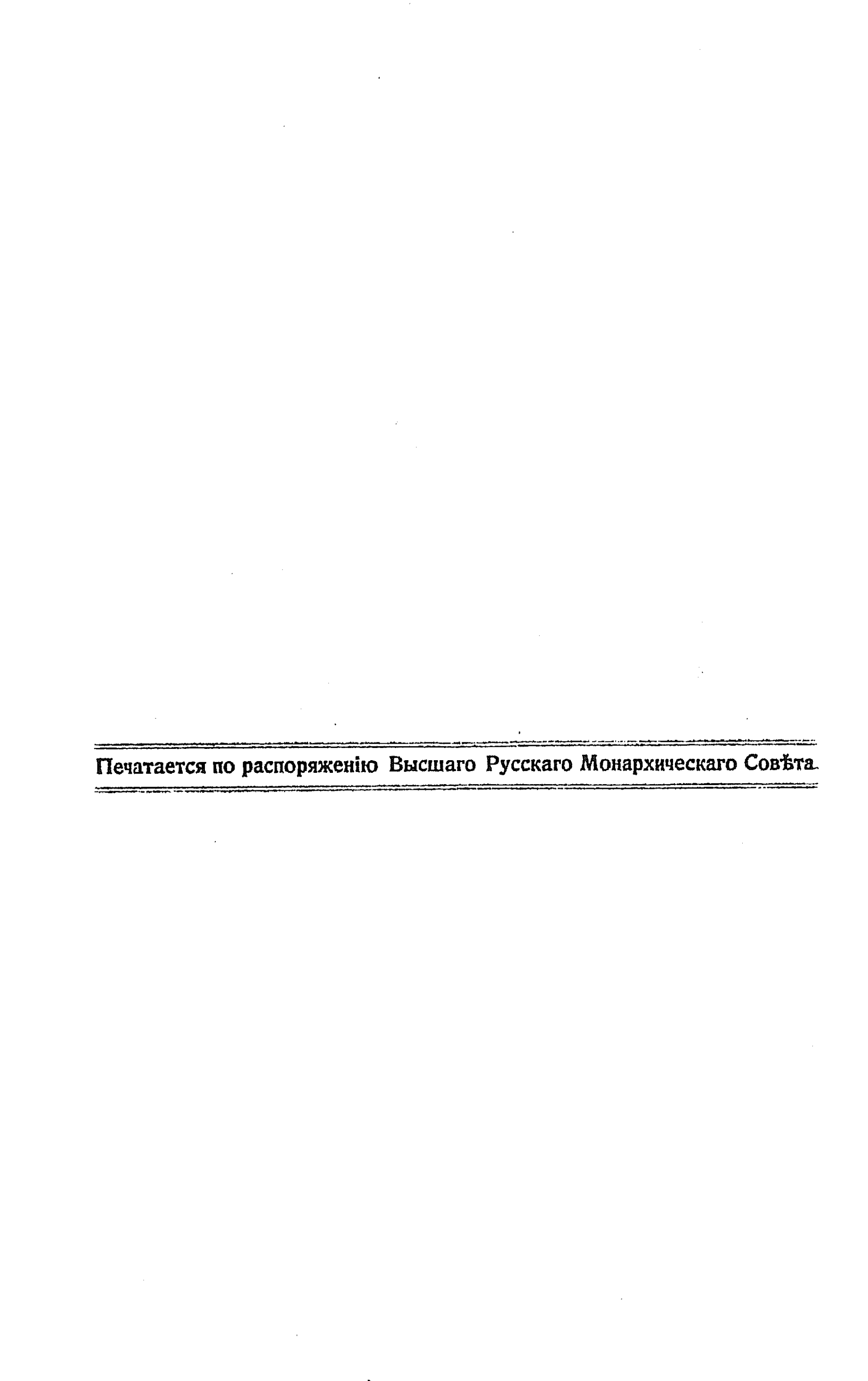
„ЗАВОЕВАНІЯ РЕВОЛЮЦІИ“ И ИДЕОЛОГІЯ РУССКАГО МОНАРХИЗМА.

Докладъ профессора Т. В. Локотя.

Печатается по распоряженію Высшаго Русскаго Монархическаго Совѣта.

„Завоеванія революціи" и идеологія русскаго монархизма.

Наступила пора открыто, смѣло и убѣжденно говорить объ идеологіи русскаго монархическаго движенія, съ новой силой просыпающагося въ настоящее время подъ вліяніемъ тяжелыхъ историческихъ испытаній, выпавшихъ благодаря революціи на долю Россіи. Мы уже слышимъ, и часто, часто будемъ слышать, что русское монархическое движеніе есть только движеніе въ пользу возстановленія старой законной исторической власти Монарха изъ дома Романовыхъ. Но мы рѣшительно говоримъ и будемъ говорить: нѣтъ, это неправда! Русское монархическое движеніе есть движеніе не только монархическое, но и движеніе глубоко національное, глубоко народное! Русское монархическое движеніе идетъ съ Русскимъ народомъ за Русскаго Царя, и съ русскимъ Царемъ — для Русскаго Народа!

Русскій монархизмъ — цѣлое и цѣлостное политическое міровоззрѣніе, охватывающее не только форму верховной государственной власти, но и всѣ рѣшительно стороны государственной жизни, государственнаго строительства. Русскій монархизмъ имѣетъ, и долженъ имѣть, свою политическую идеологію. Эта идеологія охватываетъ и вопросы переживаемаго Россіей момента, и вопросы государственнаго строительства въ будущемъ. Мы не можемъ здѣсь за недостаткомъ мѣста, говорить о вопросахъ будущаго. Скажемъ и то лишь вкратцѣ и въ самыхъ общихъ чертахъ о вопросахъ момента. Прежде всего, русское національно-монархическое теченіе, въ глубочайшее отличіе отъ русскихъ революціонныхъ теченій, рѣшительно и непримиримо отвергаетъ тотъ величайшій обманъ и самообманъ политической мысли, который носитъ громкое, но безсмысленное названіе „завоеваній революціи"! Когда Россія политически развалена, когда русскій народъ истекаетъ кровью и вымираетъ отъ обнищанія и отъ голода, когда душа и совѣсть русскаго народа, его Православная Церковь, попирается и оскверняется чуждыми народу, и по духу, и даже по крови, „вождями" революціи, когда моральное, соціальное и политическое чувство и сознаніе русскаго народа омрачено и затемнено небывалымъ въ исторіи демагогическимъ обманомъ, отъ котораго, однако, русскій народъ уже мощно просыпается и освобождается, когда видишь въ Россіи только разрушенія, только несчастія, только страданія, — о какихъ-такихъ „завоеваніяхъ революціи" могутъ говорить русскіе люди, не потерявшіе еще человѣческой совѣсти и хоть остатковъ здраваго смысла?! — Нѣтъ, мы съ возмущеніемъ отвергаемъ этотъ гнуснѣйшій обманъ! Мы знаемъ, для

кого дороги „завоеванія революціи“ и кто ихъ, поэтому, признаетъ дѣйствительно съ убѣжденіемъ: они дороги только врагамъ Россіи, русскаго народа! Они дороги только тѣмъ, кто сознательно хотѣлъ и хочетъ политическаго ослабленія Россіи, духовнаго растлѣнія и экономическаго истощенія русскаго народа, чтобы тѣмъ вѣрнѣе захватить и укрѣпить за собой экономическую и политическую власть надъ Россіей! И если, къ ужасу и позору, находятся еще даже искренніе, патріотически настроенные русскіе люди, продолжающіе твердить заученный мотивъ о „завоеваніяхъ революціи“, то это ужъ — нищета политической мысли, столь трагическая для части русскаго общества! Но будемъ вѣрить, что и эти русскіе люди скоро прозрѣютъ, и увидятъ въ какомъ унизительномъ духовномъ рабствѣ они до сихъ поръ находились у сознательныхъ враговъ Россіи и русскаго народа! Не можемъ пройти молчаніемъ, что даже представители русскаго торгово-промышленнаго класса, конечно, только въ части своей, на недавнемъ Парижскомъ съѣздѣ, устами Рябушинскихъ, тоже говорили о „завоеваніяхъ революціи“. И не случайно они ни словомъ не обмолвились о русской Монархіи. Не случайно они открыто демонстрировали свою политическую вражду по отношенію къ наиболѣе культурному классу старой, то-есть исторической Россіи — къ классу землевладѣльческому.

Весь смыслъ русской революціи для этой части русской буржуазіи сводился именно къ борьбѣ изъ-за власти съ этимъ культурнымъ классомъ Россіи, а заодно — и съ Монархіей. Но есть буржуазія, и буржуазія. Та русская буржуазія, которая стоитъ на русскихъ національныхъ началахъ, которая идетъ и будетъ идти заодно съ русскимъ народомъ, та будетъ идти заодно съ русскимъ монархическимъ движеніемъ, будетъ идти за русскаго Царя, ради русскаго народа. А та русская буржуазія, которая и на Парижскомъ съѣздѣ только раболѣпно пресмыкалась передъ „иностраннымъ капиталомъ“ конечно, передъ той его частью, которая враждебна монархической идеѣ — та русская буржуазія, конечно, враждебна и русской монархіи, враждебна и русскому монархическому движенію! Съ буржуазіей типа Рябушинскихъ русскому монархизму — національному и народному, — конечно, не по пути! Русскій монархизмъ, съ точки зрѣнія соціальныхъ отношеній, всегда опирался и будетъ опираться прежде всего на многомилліонный классъ русскаго земледѣльческаго хозяйственнаго крестьянства и на всѣ хозяйственные элементы русскаго народа и изъ рабочаго класса, и изъ національно-настроенной русской торговопромышленной буржуазіи.

Русскій монархизмъ всегда шелъ и будетъ итти въ теснѣйшемъ единеніи съ русской Православной Церковью и съ ея столь близкими народу — пастырями, русскимъ православнымъ духовенствомъ. Русскій монархизмъ идетъ и будетъ

идти съ той частью русской служилой интеллигенцій, для которой національные интересы русскаго народа и русскаго государства близки такъ же точно, такъ же кровно, какъ и хозяйствующимъ слоямъ русскаго народа. Русскій монархизмъ — неотъемлемая, органическая часть русской исторіи, вѣками творившейся по законамъ эволюціи. Что же внесла въ русскую исторію русская революція 1917—1921 годовъ, небывалая по своей жестокости, по своей кровавости!?

Крупнѣйшимъ „завоеваніемъ" революціи идеологами ея признается „паденіе Царскаго Самодержавія". — Да, русская революція свергла, а потомъ даже и убила законнаго русскаго Государя Императора Николая II, убивши заодно и всю Семью Его, не исключая и малолѣтняго Наслѣдника. Революція низложила, отчасти и физически уничтожила Царствующій Домъ Романовыхъ и объявила Россію республикой. Революція уничтожила физическихъ лицъ, воплощавшихъ самодержавный строй, и „объявила", что Россія отнынѣ не Самодержавная Монархія, а республика. — Но значитъ ли это, что дѣйствительно уничтоженъ и государственный строй, который революція назвала „самодержавнымъ", уничтоживъ всѣ тѣ реальныя внутреннія условія въ жизни русскаго народа и въ исторіи русскаго народа, и въ исторіи русскаго государства, которыя давали почву для вѣкового существованія именно этого строя? И значитъ ли „объявленіе" Россіи республикой, что она дѣйствительно стала республикой? Если же реальныя внутреннія условія, дававшія опору историческому государственному строю Россіи, не измѣнены революціей въ сторону новаго республиканскаго строя, то о „завоеваніи" революціи, въ видѣ „паденія Царскаго Самодержавія", говорить еще преждевременно.

А „объявить" Россію можно чѣмъ угодно и республикой, и хоть земнымъ или соціалистическимъ раемъ, отъ одного этого она ни республикой, ни раемъ еще не станетъ.

Самодержавнымъ колоссальнѣйшимъ государствомъ исторія создала Россійскую Имперію не потому, что вождями и творцами этого государства были какіе-либо исключительные завоеватели. Нѣтъ, — естественныя условія Россійской равнины, такія же, а также и соціальныя условія Сибири и другихъ частей Азіи, вошедшихъ въ составъ Россійской Имперіи; необходимость здоровому, полному силъ и государственнаго творчества, русскому народу расти и расширяться до предѣловъ наиболѣе выгодныхъ естественныхъ государственныхъ границъ; основная поэтому государственная задача исторической власти — „собирать Землю Русскую", вытекавшая отсюда другая государственная задача — „укрѣплять и защищать Землю Русскую", что невозможно было бы безъ мощнаго, соотвѣтственнаго территоріи и границамъ государства, развитія военной силы государства и, слѣдовательно, соотвѣтствующаго соціальнаго строя — выдѣленія высшаго служилаго сословія и превращенія его, при наличности огром-

ной свободной территоріи, въ крупно-землевладѣльческій слой дворянства; развитіе громаднаго аппарата государственнаго управленія, децентрализовать который, до наступленія соотвѣтственнаго момента было невозможно, въ виду слишкомъ малой плотности населенія и слишкомъ слабаго еще уровня культуры, а потому и отсутствія силъ, которыя могли бы съ неменьшимъ успѣхомъ выполнять тѣ задачи управленія, какія могли еще выполнять силы, привлекавшіяся единымъ центральнымъ аппаратомъ власти; необходимость роста и укрѣпленія чувства реальной государственности въ народѣ, воспринимавшемъ и укрѣплявшемъ въ себѣ эту государственность — пока, главнымъ образомъ, — на конкретныхъ урокахъ исторіи и на конкретной работѣ государственной власти, сущность каковой работы сводилась именно къ двумъ основнымъ созидательнымъ задачамъ — „собиранію Земли Русской" и ея „укрѣпленію и защитѣ". Чувство и сознаніе государственности въ русскомъ народѣ неизбѣжно, поэтому, сводилось въ идеѣ единой твердой власти „Хозяина Земли Русской" и воплощалось въ лицѣ Самодержавнаго Императора. Это былъ длительный историческій процессъ, въ теченіе котораго поколѣнія за поколѣніями русскаго народа, если не сознательно, то по чувству, даже по инстинкту родной государственности, обезпечивающей народу возможность жизни и прогрессивнаго развитія, неизмѣнно поддерживали идею, принципъ Царскаго Самодержавія. Это была реальная логика исторіи, реальная логика здороваго, способнаго быть сильнымъ, государственнаго народа. Даже всѣ тяготы крѣпостного права, созданнаго также не злою волею отдѣльныхъ Царей или правительствъ, а весьма сложнымъ соціально-экономическимъ процессомъ исторіи, не дѣлали народныхъ массъ врагами самодержавнаго государственнаго строя, хотя и дѣлали его по временамъ врагами своихъ господъ — помѣщиковъ. Самодержавіе, естественно управлявшее государствомъ, главнымъ образомъ, при помощи помѣстнаго старшаго служилаго класса, однако, ни въ какомъ случаѣ не было классовой властью, такъ какъ оно было „государственной властью"; оно и чувствовало и понимало огромное созидательное значеніе для государства и толщи народной и всѣхъ другихъ, выдѣлявшихся изъ нея или для нея слоевъ и элементовъ: духовенства, горожанъ, приказныхъ и т. п. И аппаратъ государственнаго управленія давно, очень давно, съ первыхъ и до послѣднихъ дней Царскаго Самодержавія, тоже былъ не „классовымъ", а разночиннымъ, по личному составу, бироократическимъ, по характеру, что неизбѣжно при централизмѣ Самодержавія, было самодержавіемъ только по воплощенной въ лицѣ Монарха идеѣ единства и централизаціи высшей государственной власти. Въ дѣйствительности же, какъ глубоко мѣтко выразился Самодержецъ Николай I, „Россіей правили столоначальники", т. е. не только дворяне, но

и разночинцы, достигшіе даже такихъ степеней власти, какъ Меньшиковъ и Сперанскій. Но по мѣрѣ неизбѣжной и законной исторической эволюціи, по мѣрѣ постепеннаго измѣненія внутреннихъ условій жизни народа и государства, приближался моментъ и формальнаго измѣненія Самодержавія путемъ все большаго и большаго привлеченія къ государственному управленію, сначала мѣстному, а потомъ и центральному, и широкихъ массъ народа.

Съ 1905 года Самодержавная Монархія и формально ограничила себя признаніемъ принципа народнаго представительства. Это былъ уже моментъ начала вступленія Самодержавія на пройденный или проходимый почти всѣми государствами міра путь конституціонной монархіи. И революція уже боролась фактически не съ Царскимъ Самодержавіемъ, какъ она говорила изъ чисто демагогическихъ цѣлей, а съ начальной конституціонной монархіей. Историческій процессъ не могъ и не можетъ дать для Россіи сразу полныя формы парламентарной конституціонной монархіи, а тѣмъ болѣе — парламентарной или даже соціалистической республики. И не потому, что этому мѣшала и мѣшаетъ р е а к ц і я, а потому, что отсутствіе соотвѣтствующихъ реальныхъ условій и силъ для осуществленія этого само неизбѣжно вызывало, вызываетъ и будетъ вызывать эту реакцію. Народъ и государство неудержимо хотятъ жить, и жить съ наибольшей продуктивностью во всѣхъ областяхъ своего творчества. А такая наибольшая продуктивность возможна только при правильной, т. е. соотвѣтствующей реальнымъ условіямъ и силамъ организаціи, соціальной и государственной, по законамъ эволюціи. Революціонное фантазерство только на минуты можетъ увлекать народныя массы, но съ тѣмъ большей силой онѣ отвергаютъ потомъ это фантазерство, бросаются даже въ реакцію, но, по здоровому чувству сильнаго народа, возвращаются на путь эволюціи, однако, можетъ быть, съ той стадіи эволюціи, на какую отброситъ его революція.

Предпосылкой, истинной причиной, внутренней необходимостью постепеннаго перехода Самодержавія на конституціонный путь было совсѣмъ не развитіе революціоннаго движенія въ Россіи, не декабристы, не Герценъ, не Чернышевскій, не земцы-конституціоналисты, не марксисты, не соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры, и тѣмъ болѣе не революціонный терроръ, начиная съ Нечаева и кончая Савинковымъ; напротивъ, все это въ свою очередь являлось лишь отраженіемъ того внутренняго процесса, въ которомъ уже находилась народная и государственная жизнь Россіи. Это, прежде всего, — ростъ плотности населенія, ростъ города, ростъ обрабатывающей промышленности, ростъ буржуазіи и рабочаго класса, ростъ благосостоянія земледѣльческаго населенія, и въ частности, — того средняго, крѣпкаго крестьянства, которое являлось основой

мелко-буржуазнаго слоя деревни, уже начавшаго понемногу давать деревенскіе элементы, способно участвовать въ мѣстномъ самоуправленіи, въ коопераціи и проч. — Эти реальныя, созданныя русскимъ историческимъ процессомъ, условія, всецѣло обязанныя предшествующему вѣковому періоду Самодержавной русской государственности, создавшей внѣшнюю мощь Россіи, а потому гарантировавшей и внутреннюю, и культурную эволюцію страны въ предѣлахъ наличной возможности и быстроты этой эволюціи, они, эти реальныя условія, были истинной причиной и истинной необходимостью политической эволюціи Россіи въ сторону конституціонности, а совсѣмъ не революціонная грязная и кровавая пѣна, всплывшая на поверхность народной жизни подъ вліяніемъ внутренняго органическаго эволюціоннаго процесса, совершавшагося въ глубинахъ этой жизни. Отнимите отъ русской народной жизни реальныя органическія условія и причины перехода къ высшимъ, болѣе сложнымъ формамъ политической жизни Россіи, то-есть отнимите достаточно, сравнительно, высокую степень экономическаго развитія, ослабьте слой культурной буржуазіи землевладѣльческой, промышленной и торговой, а тѣмъ самымъ — и слой соотвѣтственной профессіональной интеллигенціи, уменьшите слой промышленнаго рабочаго класса, ослабьте тотъ слой крѣпкаго, хозяйственнаго крестьянства въ деревнѣ-назовите его „кулацкимъ" или какъ хотите, суть не въ названіи, а въ экономическомъ, соціальномъ и политическомъ значеніи этого слоя — который могъ еще давать активные, хозяйственные, независимые элементы и въ земство, и въ Государственную Думу, сдѣлайте все это, то-есть отбросьте Россію въ экономическомъ и культурномъ отношеніи на два — три десятилѣтія назадъ, и въ Россіи не станетъ реальныхъ, единственно дѣйственныхъ, жизненно необходимыхъ и исторически законныхъ убѣдительныхъ факторовъ и причинъ не только республиканскаго государственнаго строя, но даже и той начальной стадіи конституціонной монархіи, какая была до революціи 1917 года.

Если революція, начиная съ Родзянки и князя Львова, и кончая Ленинымъ и Троцкимъ — фактически привела къ экономическому обѣдненію Россіи, къ разрушенію той, еще и безъ того лишь слабой стадіи, капитализма, до которой она дошла при Самодержавіи; если физическимъ и всякимъ другимъ путемъ революція уничтожила слой исторически создававшагося культурнаго землевладѣльческаго класса, изъ котораго, главнымъ образомъ, все же-какъ — никакъ-вышла и міровая классическая русская литература, и русская наука, и земство, и политическія культурныя силы, и вмѣсто этого слоя . . . оставила пустое мѣсто и даже пустую землю, которую и обрабатывать оказалось некому, такъ какъ война и революція разрѣдила и безъ того далеко еще не густое населеніе Россіи, обезкровила и обезглавила

это населеніе, понизила его производительную силу; если революція произвела опустошенія и въ рѣдкомъ еще налетномъ слоѣ русской профессіональной интеллигенціи; если революція ослабила, наконецъ, не только государственную мощь и организованность русскаго народа, но и самое чувство, инстинктъ государствеаности, . . о если все это явилось или явится фактически реальнымъ результатомъ революціи, то, стоя на эволюціонномъ пониманіи историческаго процесса, мы не можемъ не высказать опасенія, что, въ ближайшее время послѣ революціи, Россія собственными внутренними силами не въ состояніи будетъ удержаться даже на той стадіи политической эволюціи, до которой она дошла при Императорѣ Николаѣ II. — И это не будетъ результатомъ „реакціи“, какъ ее толкуютъ и изображаютъ наши революціонныя и радикальныя политическія партіи, а это будетъ истиннымъ „завоеваніемъ революціи!“

Если въ Россіи возстановится Самодержавіе даже безъ Государственной Думы, хотя бы „третьеіюньской“, Столыпинской, то это исключительно благодаря разрушительнымъ дѣйствіямъ революціи.

Обнищавшій и обезкровленный народъ не можетъ быть самъ по себѣ, безъ искуственныхъ внѣшнихъ воздѣйствій ни республиканскимъ, ни конституціоннымъ! Онъ можетъ совсѣмъ потерять свою государственную суверенность, онъ можетъ государственно раздробиться и распылиться, сведя свою государственную суверенность до жалкаго минимума, онъ можетъ вернуться въ „первобытное состояніе“ временъ начала своей государственности, когда, на радость революціонерамъ - республиканцамъ, тоже, какъ извѣстно, бывали „республики“ . . . Но если стомилліонный народъ удержитъ за собой свою территорію на суверенныхъ началахъ, онъ, при недостаткѣ культурныхъ силъ и при возвратѣ къ болѣе примитивнымъ формамъ народнаго хозяйства, можетъ и долженъ будетъ вернуться только къ централистическимъ формамъ государственности, только къ единой, крѣпкой, сильной государстванной власти, то-есть къ Самодержавной Монархіи!! Это неизбѣжно, если государствеоное строительство возрождающейся изъ развалинъ революціи Россіи будетъ предоставлено исключительно внутреннимъ силамъ самого русскаго народа... Это будетъ, слѣдовательно, попятное движеніе русскаго историческаго процесса, какъ неизбѣжное слѣдствіе „завоеваній революціи“! — Это будетъ съ эволюціонной точки зрѣнія, несомнѣнно реакція, регрессъ, такъ какъ для народа и государства безспорно было бы выгоднѣе продолжать развитіе своихъ политическихъ формъ, а не возвращаться къ тому, что уже было пройдено, и не затрачивать новыхъ и новыхъ силъ на то, что уже въ свое время было достигнуто. Но, въ то же время, при отсутствіи всѣхъ внутреннихъ національныхъ силъ, которыя на извѣстной степени политическаго

развитія дѣлаютъ переходъ централистической самодержавной власти къ конституціонной цѣлесообразнымъ, выгоднымъ для культурнаго и государственнаго прогресса страны, при отсутствіи этихъ силъ, напротивъ, искусственное насильственное созданіе болѣе сложныхъ формъ государственности совсѣмъ не является прогрессомъ, а лишь невыгодной для народныхъ массъ растратой народныхъ средствъ въ пользу небольшихъ слоевъ, могущихъ играть въ конституціонность и парламентаризмъ. Если бы при декабристахъ удалось ограничить Самодержавіе, то получилась бы чистѣйшая олигархія небольшого слоя активнаго дворянства, и — вопросъ, прошла ли бы величайшая реформа XIX вѣка въ Россіи, освобожденіе крестьянъ, на тѣхъ выгодныхъ для крестьянства и безболѣзненныхъ для государства началахъ, на какихъ она прошла при Самодержавномъ Царѣ Освободителѣ! Если бы теперь, когда революція, особенно въ большевистскомъ ея періодѣ, выдушила столько интеллигентскихъ и организаторски-творческихъ силъ изъ землевладѣльческаго, промышленнаго, торговаго и даже земледѣльческаго, крестьянскаго слоя Россіи, былъ бы навязанъ Россіи республиканскій или даже монархически-парламентарный государственный строй, то—большой вопросъ, какіе элементы соціальныхъ верховъ „новой“ Россіи использовали бы силу политической власти и въ чью пользу? Въ пользу ли тѣхъ милліонныхъ массъ, которыя послѣ ужасовъ и разрушеній революціи на десятилѣтія будутъ поглощены гораздо больше возстановленіемъ своихъ силъ, своего матеріальнаго благосостоянія и духовнаго равновѣсія, чѣмъ участіемъ въ парламентаризмѣ, или же въ пользу исключительно самихъ этихъ соціальныхъ верховъ?

А кто именно будетъ составлять эти верхи?

Наиболѣе культурный соціальный слой „старой“ Россіи-земледѣльческій разбитъ, разогнанъ, уничтоженъ. Хозяйственные устои его, во всякомъ случаѣ, разрушены и безконечно ослаблены; русская національно-торгово-промышленная буржуазія точно такъ же; слой высшей, наиболѣе государственно — зрѣлой интеллигенціи и служилой бюрократіи съ наибольшимъ практическимъ государственнымъ опытомъ частью уничтоженъ, частью превращенъ въ нищенство; матеріальныя средства народа и даже кредитоспособность государства, необходимыя для быстраго возстановленія и производительныхъ, и духовныхъ силъ страны, безусловно ослаблены.. Единственный соціальный слой и не такъ сильно пострадавшій отъ революціи, и болѣе національно и международно сплоченный, а потому и наиболѣе кредитоспособный, это, — главнымъ образомъ, весьма многочисленный въ Россіи слой торговаго и промышленнаго еврейства, отчасти и другихъ инородцевъ и иностранцевъ. Миѳъ о томъ, будто революція создала въ Россіи слой новой „комиссарской“ буржуазіи, — только миѳъ: перераспредѣленіе цѣнностей путемъ

комиссарскаго грабежа, носившее лишь временный, весьма непрочный характеръ, не могло принять производительнаго направленія, такъ какъ производственная организація въ Россіи во время революціи все время находилась въ состояніи паралича. Перераспредѣленныя цѣнности, въ концѣ концовъ, должны были оказаться выкачанными изъ страны на удовлетвореніе потребностей бездонной бочки большевистской власти. Никакой новой, сколько нибудь крупной буржуазіи революція не создала и создать не могла, такъ какъ буржуазія — продуктъ хозяйственнаго творчества, а не разрушенія. Остается единственный, тоже, конечно, пострадавшій, но все же наиболѣе уцѣлѣвшій и наиболѣе сплоченный и кредитоспособный, благодаря своей національно-международной солидарности, слой буржуазіи — еврейство. Для его узко-національныхъ и буржуазно-классовыхъ интересовъ, конечно, наилучшей формой государственнаго управленія была бы республиканская, когда и выборная верховная власть государства и весь аппаратъ управленія находился бы въ рукахъ наиболѣе активныхъ и сильныхъ матеріально политическихъ партій. А эти партіи безспорно были бы въ рукахъ буржуазнаго еврейства, какъ были фактически въ его рукахъ — почти цѣликомъ — наши радикальныя партіи до революціи — и соціалистическія, и ка-детская. Широкія русскія народныя массы, особенно земледѣльческія, будутъ долгое время еще менѣе политически активными и независимыми послѣ революціи, чѣмъ они были до революціи.

Такъ для кого же будетъ реально-выгоденъ республиканизмъ и парламентаризмъ въ „новой“ Россіи, можетъ быть даже въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, пока не окрѣпнутъ снова національныя русскія внутреннія силы — сельскохозяйственныя, торгово-промышленныя, интеллигентныя? Безспорно, до наступленія этого момента, для чего понадобится новая упорная, лишь эволюціоннымъ путемъ подвигающаяся къ цѣли, работа русскаго народа, для Россіи національно-выгоднѣе, а потому и государственно-цѣлесообразнѣе является болѣе независимая отъ политическихъ партій, болѣе общенаціональная, болѣе, хотя бы по инстинкту, опирающаяся на широкіе народные низы Монархическая Власть, съ той степенью участія народа въ государственномъ управленіи, какая диктуется лишь наличнымъ соотношеніемъ внутреннихъ силъ, лишь наличной стадіей эволюціи, а совсѣмъ не радикальными абстрактными идеалами, осуществимыми лишь при соотвѣтствующей стадіи эволюціи, а не по велѣніямъ революціи.

Да развѣ и при высокомъ уровнѣ капитализма и культуры народы съ крѣпкимъ національнымъ самосознаніемъ непремѣнно отказываются отъ эмблемы политическаго единства — монархической власти?

Развѣ Англія съ ея высокимъ капитализмомъ не остается страной монархической? Развѣ капиталистическая и

высоко-культурная Германія не цѣнила своего монархическаго объединенія и не стремится къ нему всѣми силами своего высоко-развитого политическаго сознанія?

Итакъ, самое главное и самое важное въ глазахъ революціи ея — „завоеваніе“: „паденіе самодержавія“ является совсѣмъ еще не „завоеваніемъ“, а пустой фикціей: всѣ реальныя внутреннія, единственно дѣйственныя условія сохраненія Самодержавія въ Россіи, даже въ формахъ болѣе старыхъ, чѣмъ было до революціи, не только сохранились, но и укрѣпились, благодаря разрушеніямъ и опустошеніямъ революціи.

Россія, если ей не навяжутъ, въ угоду незначительныхъ уцѣлѣвшихъ слоевъ буржуазіи — по преимуществу инородческой — республиканскихъ и парламентарныхъ формъ государственности, будетъ непремѣнно Монархіей, при чемъ Монархіей, можетъ быть, даже менѣе конституціонной, чѣмъ она была до революціи!

Пойдемъ далѣе. — Политическія свободы, какъ „завоеванія революціи“... Во что онѣ превратились въ четыре года революціонной власти, извѣстно даже нашимъ революціоннымъ дѣтямъ, по инерціи продолжающимъ лепетать о „завоеваніяхъ революціи“. При томъ — не только для „контръреволюціонеровъ“, но и для самыхъ подлинныхъ революціонеровъ, не сумѣвшихъ, однако, устроиться у кормила власти, и для такихъ „сочувствующихъ“ революціи, какими были, особенно въ первое время, напр., наши ка-деты. Революція уничтожила физически „царское самодержавіе“, но вмѣсто него, и именно неизбѣжно, создала другое самодержавіе, грубо-азіатское, горшее для самихъ революціонеровъ и самое гибельное для національнаго прогресса Россіи. А то обстоятельство, что нѣкоторые элементы народа, хотя бы даже подъ вліяніемъ революціоннаго психоза, обмана и самообмана, но все же поддерживали грубо-азіатское самодержавіе комиссаровъ не только за страхъ, но и за совѣсть, съ массово-психологической точки зрѣнія, показываетъ, что и психологическая почва для Самодержавія въ народѣ далеко не истощилась.

Соціальныя „завоеванія революціи“ имѣютъ тоже только отрицательный, разрушительный характеръ. Въ центрѣ этихъ „завоеваній“ стоитъ земельный вопросъ. Не касаясь этого вопроса во всемъ его объемѣ (объ этомъ будемъ говорить въ особомъ спеціальномъ докладѣ) мы должны лишь ограничиться утвержденіемъ, что революція ни въ коемъ случаѣ не уничтожила условій для возрожденія крупнаго капиталистическаго сельскаго хозяйства въ Россіи, какъ такового, независимо отъ соціальнаго состава землевладѣльцевъ. Возможно, что дворянское помѣстное землевладѣніе, какъ соціальное явленіе „старой Россіи“, не въ состояніи будетъ возродиться въ прежнемъ объемѣ; значительная часть его, вѣроятно, распылится и хозяйственно, и соціально. Эволю-

ціонный процессъ перехода земли изъ рукъ крупныхъ сословныхъ собственниковъ въ руки безсословныя, все время совершавшійся и до революціи, будетъ рѣзко ускоренъ революціей. Но мобилизація и распредѣленіе земельной собственности въ Россіи, подъ вліяніемъ революціи, совсѣмъ не приметъ тѣхъ шаблонно-соціалистическихъ уравнительныхъ формъ, какія навязывались революціей. Площадь крестьянскаго землевладѣнія, особенно относительная, по разсчету на оставшіяся въ живыхъ послѣ революціи крестьянскія души, можетъ быть и возрастетъ. Но производительность этой площади, въ виду разрушенія инвентаря и всѣхъ вообще видовъ капитала во всемъ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, въ томъ числѣ и въ крестьянскомъ, сильно понизится, и аграрный вопросъ въ Россіи никакого разрѣшенія отъ революціи въ дѣйствительности не получитъ; онъ будетъ втиснутъ, какъ и всѣ другіе вопросы развитія, въ неумолимыя рамки эволюціи, будетъ, слѣдовательно, отброшенъ назадъ, въ худшія условія, чѣмъ какія уже создались въ послѣднія десятилѣтія „стараго режима". Крестьянство, ослабленное къ тому же въ своихъ живыхъ силахъ, хозяйственно не въ состояніи будетъ использовать всѣ опустѣвшія отъ „завоеваній революціи" земельныя площади Россіи. Хозяйственная организація и эксплоатація этихъ площадей поэтому неизбѣжно приметъ формы крупнаго капиталистическаго, а не трудового землевладѣнія, или, что гораздо хуже въ смыслѣ прогресса русскаго народнаго хозяйства, останется въ рукахъ государства, т. е. земля будетъ лежать въ видѣ слабо эксплоатируемаго запаснагв фонда, если притокъ капиталовъ въ русское сельское хозяйство извнѣ, въ силу политическихъ или какихъ-либо другихъ условій, окажется слабымъ. Крупное землевладѣніе возстановится. Вся разница, по волѣ „завоеваній революціи", будетъ заключаться въ томъ, что землевладѣльцами окажутся въ болѣе или менѣе значительной степени не русскіе люди, исторически, государственно и національно связанные съ русской землей, а инородцы и иностранцы. Выиграетъ или проиграетъ отъ этого русскій народъ, русская культура и національно-русское государство — вопросъ весьма спорный.

Далѣе — съ старымъ, сословно-земельнымъ строемъ Россіи тѣсно связаны были такія крупныя стороны внутренней жизни, какъ земское самоуправленіе, а слѣдовательно и развитіе школьнаго, агрономическаго, медицинскаго, кооперативнаго дѣла и т. д. Соціальное значеніе этого, какъ почвы для роста мелкой буржуазіи, мѣстной интеллигенціи многочисленныхъ кадровъ земскаго „третьяго элемента" было огромно. Весьма большой вопросъ, будетъ ли въ состояніи мѣстное самоуправленіе, въ періодъ послѣреволюціоннаго возстановленія и переформированія, впитать въ себя даже ту массу „третьяго элемента", которая уцѣлѣетъ отъ революціи, не говоря уже о созданіи новыхъ кадровъ. Кромѣ

того, посколько власть въ мѣстномъ самоуправленіи будетъ переходить вполнѣ естественно и неизбѣжно въ руки, главнымъ образомъ, хозяйственнаго крестьянства, перспективы роста служилой мѣстной интеллигенціи скорѣе будутъ менѣе благопріятными, чѣмъ болѣе благопріятными по сравненію съ старой сословно-землевладѣльческой Россіей, въ которой дворянскаго идеализма было даже больше, чѣмъ нужно. Хозяйственный крестьянинъ и раньше былъ куда прижимистѣе по части расходованія народныхъ средствъ на общественныя потребности, чѣмъ въ общемъ далеко не столь хозяйственный русскій дворянинъ — землевладѣлецъ, а теперь, послѣ революціи, когда крестьянину придется усиленно залечивать раны отъ „завоеваній революціи", онъ и подавно будетъ прижимистъ во всѣхъ „культурныхъ начинаніяхъ", даже и при сознаніи „полноты власти" за собой, а можетъ быть и благодаря этому сознанію. Конечно, такая прижимистая психологія и политика въ мѣстномъ, какъ и во всякомъ другомъ, управленіи является гораздо болѣе здоровой, отвѣчающей нормальному эволюціонному росту мѣстныхъ культурныхъ силъ, чѣмъ политика безхозяйственнаго идеализма, вѣрившая въ то, что формой и количествомъ можно создавать и внутреннее содержаніе культуры. Въ томъ была, безспорно, крупная ошибка и нашего мѣстнаго самоуправленія, и нашего центральнаго государственнаго управленія въ періоды либерализма.

Болѣе реалистическій складъ русскаго хозяйственнаго крестьянства въ состояніи будетъ создать болѣе нормальный, съ внѣшней стороны, можетъ быть, не столь быстрый и не столь эффектный — родъ культурной эволюціи Россіи. Вотъ почему въ строительствѣ „новой" Россіи хозяйственному крестьянству всячески нужно предоставлять возможно болѣе широкое мѣсто и въ земскомъ самоуправленіи, и въ управленіи государственномъ по мѣрѣ роста той хозяйственной, дѣйствительно демократической, по самой природѣ своей реалистической, созидательной, а не фантазерской интеллигенціи, которая въ состояніи будетъ подняться до верховно-государственнаго управленія. Это будетъ истинная національно-демократическая русская интеллигенція, а не та „революціонно-демократическая", дворянско-разночинная, космополитическая, всецѣло поддавшаяся вліянію нерусскихъ, ино-національныхъ группъ интеллигенціи, которая такъ упорно стремилась къ революціонному разрушенію Россіи и столь роковымъ образомъ дождалась своей „завѣтной" мечты и цѣли.

Мы не можемъ говорить и о „завоеваніяхъ революціи" въ области экономическаго развитія Россіи. Что такихъ „завоеваній" нѣтъ, что революція только дезорганизовала производственный аппаратъ рѣшительно во всѣхъ отрасляхъ русскаго народнаго и государственнаго хозяйства и уничтожила огромную часть матеріальныхъ цѣнностей, созданныхъ

вѣковымъ трудомъ русскаго народа, сильно отодвинувши этимъ назадъ стадію экономической эволюціи Россіи, это признаютъ теперь даже сами идеологи революціи, не только ка-детскіе и ка-детствующіе, но, можно сказать, даже и большевистскіе.

Какія же, наконецъ, остаются „завоеванія революціи", въ реальности которыхъ можно было бы сколько-нибудь не сомнѣваться? Ни въ политической, ни въ соціальной, ни, въ особенности, въ экономической области нѣтъ абсолютно никакихъ „завоеваній" русской революціи 1917 года. Эти завоеванія существуютъ только въ фантазерской мысли тѣхъ революціонеровъ и тѣхъ сочувствующихъ революціи, которые, по старой россійской интеллигентской традиціи, привыкли жить идеалистическими абстракціями, фикціями, и до сихъ поръ, не смотря даже на такіе страшные практическіе опыты и результаты революціи, не научились мыслить болѣе реально, болѣе объективно, болѣе положительно. Ихъ нѣтъ, этихъ „завоеваній революціи", этихъ кровавыхъ фикцій, стоившихъ, однако, столькихъ жертвъ и страданій всего русскаго народа. Всѣ, не лишенные самаго элементарнаго здраваго смысла, должны рѣшительнѣйшимъ образомъ отбросить эти вреднѣйшія фикціи и сказать: „Тѣ, кто до сихъ поръ продолжаетъ твердить о завоеваніяхъ революціи, совершаютъ ту же разрушительную работу по отношенію къ русскому народу и государству, какую совершали они морально, даже организаторски поддерживая революцію, санкціонируя — и можетъ быть даже и не благодаря однимъ только идейнымъ причинамъ и воздѣйствіямъ, прорвавшуюся народную стихію. „Формула и лозунгъ „завоеванія революціи" могутъ только непримиримо раздѣлять русскихъ людей на два лагеря, между которыми никогда, ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть политическаго единенія, — на лагерь „революціонно-демократическій", для котораго никакія жертвы русской кровью, русскимъ достояніемъ, русскимъ именемъ не страшны во имя пустой фикціи, во имя абстрактнаго, субъективнаго идеала, во имя партійныхъ фанатическихъ цѣлей, и лагерь „эволюціонно-демократическій," для котораго требованія эволюціоннаго развитія, (что, между прочимъ, подсказывается и такъ называемымъ матеріалистическимъ пониманіемъ историческаго процесса) являются обязательными методологически, для котораго истинно-реальное желаніе — благо и счастіе всего народа — является единственнымъ руководящимъ критеріемъ не только моральнымъ, но и политическимъ, для котораго, поэтому, демократизмъ ни въ коемъ случаѣ не связанъ съ требованіемъ подавленія однимъ классомъ, однимъ слоемъ народа — другого класса или слоя, а лишь съ требованіемъ взаимной солидарности ихъ въ процессѣ творческой работы по созданію общаго прогресса. Эта взаимность на дѣлѣ можетъ выливаться и въ формы такъ называемой „борьбы классовъ", но при отчетливомъ

сознанiи въ то же время и необходимости — изъ солидарности въ творческомъ созиданiи общаго народнаго блага . . . Для революцiоннаго лагеря не страшны „великiя потрясенiя“, слѣдствiемъ которыхъ обычно бываютъ и „великiя разрушенiя“. Эволюцiонный лагерь не видитъ смысла въ разрушенiяхъ, а потому не можетъ принципiально мириться и съ потрясенiями, поскольку въ человѣческой волѣ избѣгать ихъ. Болѣе того: эволюцiонный лагерь видитъ въ „великихъ разрушенiяхъ“, тягчайшее преступленiе передъ народомъ и передъ созданнымъ имъ государствомъ, а потому считаетъ тягчайшимъ преступленiемъ онъ и „великiя потрясенiя“, считаетъ антиморальной, антинародной и антигосударственной самую идеологiю этихъ потрясенiй, т. е. идеологiю революцiонную. Революцiя, преслѣдующая цѣли насильственнаго измѣненiя самаго существа эволюцiоннаго развитiя народа и государства, есть не только вредный абсурдъ, но и тяжкое преступленiе тѣхъ, кто повиненъ въ революцiи морально работой чувства, мысли и воли. Преступленiе именно, и только потому, что такая революцiя никогда не дастъ и не сможетъ дать блага и счастья народу больше того, что дастъ эволюцiя, а — напротивъ — совершенно безполезно, лишь въ угоду революцiонно-партiйному фанатизму, разрушаетъ благо народа, несетъ народу массу несчастiй. Революцiонеры, поддерживающiе такую революцiю, не друзья, а враги народа. Они не демократы, а явные или скрытые сторонники самой жестокой олигархiи, все равно, какой характеръ эта олигархiя не носила бы, аристократическiй или демагогическiй. Демагоги — не демократы, а лишь обманщики народа... И если есть хоть какое нибудь реальное „завоеванiе“ революцiи, то развѣ лишь въ этой духовной области народной жизни и народнаго развитiя: на тяжелыхъ, столь дорого стоющихъ урокахъ и опытахъ соцiальной революцiи русскiй народъ воочiю увидитъ, что такое революцiя и кто такiе революцiонеры, и подавно убѣдится въ томъ, что эволюцiонные пути развитiя безконечмо разумнѣе, лучше, выгоднѣе, чѣмъ пути революцiонные. Глубочайшая и сложнѣйшая работа мысли по самымъ основнымъ вопросамъ соцiальной и политической жизни неизбѣжно совершалась, совершается и долго еще будетъ совершаться въ народѣ подъ влiянiемъ переживанiй и уроковъ революцiи. Это самая живая, самая убѣдительная политическая школа для народа, для всѣхъ слоевъ, отъ низовыхъ массъ, до самихъ высшихъ соцiальныхъ и политическихъ верховъ. И если бы эти результаты напряженной работы народной мысли могли бы быть теперь же непосредственно примѣнены въ реальной созидательной работѣ народа по его соцiальному и политическому творчеству, то это можно было бы признать дѣйствительно „завоеванiемъ“ революцiи. Къ несчастiю, даже и это „завоеванiе“ революцiи не имѣетъ иепосредственнаго значенiя: народъ, занятый

залечиваніемъ ранъ отъ революціи, народъ. обѣднѣвшій отъ революціи, не въ состояніи будетъ сразу и въ полной мѣрѣ использовать хотя бы эти идейные уроки революціи. Только дальнѣйшія поколѣнія смогутъ реализовать тѣ духовныя цѣнности, которыя дадутъ уроки революціи, оставивши слѣдъ въ сознаніи и въ политическомъ воспитаніи народа. Но реальная политическая мысль ни въ коемъ случаѣ не можетъ признать, чтобы тѣ неисчислимыя и, частью, невозвратимыя жертвы, какія понесъ народъ во время революціи, хоть сколько-нибудь достаточно возмѣщались бы ростомъ сознанія и политическаго воспитанія народа подъ вліяніемъ уроковъ революціи. Матеріальныя условія жизни и развитія народа безконечно сильнѣе мыслительныхъ, идейныхъ и, только при параллельномъ ихъ развитіи, вліяніе послѣднихъ на весь процессь развитія сказывается въ безспорномъ и положительномъ направленіи. Разрушенія, причиненныя революціей въ матеріальной области народной и государственной жизни, надолго будутъ парализовать самую возможность использованія народомъ этихъ духовныхъ завоеваній революціи, такъ какъ для реальнаго ихъ примѣненія не будетъ матеріальной основы. Еще болѣе вызываетъ сомнѣній цѣнность духовныхъ, т. е., прежде всего, мыслительныхъ „завоеваній" революціи въ виду тѣхъ огромныхъ и страшныхъ разрушеній, какія революція произвела въ „моральной" области духовной жизни народа: паденіе, хотя и временное, религіознаго чувства. Революціонное озорство по отношенію къ Церкви и духовенству, разложеніе самыхъ элементарныхъ устоевъ общечеловѣческой морали, попраніе правъ человѣческой личности, развитіе жестокости, доходившей почти до кровожадности, разрушеніе психологическихъ и правовыхъ устоевъ соціальной уравновѣшенности, соціальнаго порядка, безъ чего непрочнымъ является и порядокъ общественный и государственный и т. д., и т. д. — всѣ эти несомнѣнныя и глубокія разрушенія революціи въ духовной жизни народа точно также потребуютъ отъ народа огромнаго напряженія духовныхъ силъ для возстановленія нарушеннаго духовнаго равновѣсія. Едва ли поэтому одни мыслительныя „завоеванія" революціи въ духовной жизни народа смогутъ — при огромныхъ разрушеніяхъ во всѣхъ другихъ областяхъ — оказаться, по крайней мѣрѣ, въ ближайшій возстановительный періодъ народной жизни сколько-нибудь реально продуктивными.

Какія же, спрашивается, остаются „завоеванія" революціи, положительность которыхъ для народа, для государства, для національнаго русскаго развитія прогресса могли бы быть признаны сколько-нибудь объективной политической мыслью? — Ихъ нѣтъ абсолютно никакихъ! Они или фикція абстрактнаго, совершенно оторваннаго отъ живой дѣйствительности болѣзненно-гипертрофированнаго россійскаго идеализма, ихъ глубочайшій обманъ и самообманъ со

стороны тѣхъ слоевъ и элементовъ русскаго гражданства, для которыхъ революціонныя разрушенія открываютъ все же нѣкоторые виды на будущее исключительно въ смыслѣ завоеванія политической власти надъ другими слоями русскаго народа.

Когда русскіе торговопромышленники на парижскомъ съѣздѣ „торжественно заявляютъ" о томъ, что они видятъ „завоеванія революціи" въ паденіи царизма, а нѣкоторые — въ экономическомъ и соціальномъ разрушеніи русскаго землевладѣльческаго помѣстнаго класса, они готовы при этомъ закрывать глаза на всѣ тѣ безчисленныя и глубокія разрушенія, какія произвела революція не только въ помѣстномъ классѣ, но и въ классѣ крестьянскомъ, составляющемъ главнѣйшую основу государства, и въ классѣ рабочемъ, да и въ самомъ классѣ торгово-промышленномъ, то не ясно ли, что такіе революціонные торговопромышленники радуются „завоеваніямъ революціи" только исходя изъ одного мотива, крѣпко овладѣвнаго ихъ слабой молодой политической мыслью, изъ мотива борьбы за политическую власть? Не помѣстный землевладѣльческій классъ, какъ это было при „Царизмѣ", долженъ быть всего ближе къ власти, а мы торгово-промышленники . . . И съ такой узко-классовой и односторонне-политической точки зрѣнія, даже разрушенія революціи могутъ представляться торговопромышленникамъ „завоеваніями" . . . Но ясно, что для народа, для націи, для государства это — совсѣмъ еще не завоеваніе, а лишь открытіе, усиленіе шансовъ на власть, вмѣсто помѣстнаго класса, классу торговопромышленному.

Когда Россійская радикальная интеллигенція съ давно присущимъ ей нездоровымъ фантазерскимъ идеализмомъ продолжаетъ, не смотря на понесенныя и ею огромныя потери, жертвы и испытанія, упорно твердитъ все же о „завоеваніяхъ революціи", то въ этомъ трудно объяснимомъ упорствѣ передъ неотразимыми фактами реальной дѣйствительности можно видѣть лишь одинъ сколько-нибудь реальный мотивъ: вѣдь интеллигенція, не смотря на ея внѣклассовой, вѣрнѣе разноклассовой, разночинный соціальный характеръ, представляетъ, какъ и торговопромышленный классъ, тотъ ближайшій слой, который претендуетъ на власть, который видитъ, поэтому, въ русской „исторической" власти, базировавшейся, главнымъ образомъ, на помѣстномъ классѣ, своего „врага", т. е. конкурента. Не даромъ представители торговопромышленнаго класса на недавнемъ парижскомъ съѣздѣ, какъ и раньше, до революціи и во время революціи, дѣлали политическіе реверансы передъ этой радикальной или, какъ они говорятъ, „жертвенной" интеллигенціей: ближайшій дѣлежъ политической властьи въ „новой" Россіи, поскольку революція дѣйствительно обезсилила помѣстный классъ, будетъ происходить, главнымъ образомъ, между торговопромышленнымъ классомъ и интеллигенціей. Вѣрнѣе, ин-

теллигенція, какъ соціальный слой, не обладающій средствами матеріальнаго производства, слой, поэтому, „служилый", пойдетъ на услуженіе торговопромышленному классу, на услуженіе средней и крупной буржуазіи. „Идеализмъ" нашей радикальной интеллигенціи, совершенно неизбѣжнымъ, реальнымъ путемъ не только не помѣшаетъ ей, но и приведетъ ее къ такой, весьма простой, далеко не идеалистической цѣли, какъ услуженіе крупному капиталу, крупной буржуазіи. Конечно, въ этомъ нѣтъ ничего „дурного"; напротивъ, это вполнѣ естественно и вполнѣ политически цѣлесообразно: и крупная буржуазія, какъ классъ безспорно производительный, творческій, долженъ располагать и своей интеллигенціей, своей служилой духовной силой. Но при чемъ тутъ „идеализмъ" и „жертвенность?" И при чемъ тутъ „завоеванія революціи", какъ нѣчто общенаціональное, важное и положительное? Если успѣхъ въ борьбѣ за власть дѣйствительно окажется въ рукахъ крупной буржуазіи, а она возьметъ себѣ на услуженіе, какъ духовную силу, эту самую „жертвенную" интеллигенцію, прекрасно, это дѣло ея, взаимно хозяйское. Но будетъ ли это „завоеваніемъ" съ обще національной точки зрѣнія, — это покажетъ только будущее, только исторія. А пока, не теряя здраваго смысла и объективности, не будемъ называть „завоеваніемъ" того, что представляетъ собою, съ общественной точки зрѣнія, только бездну разрушенія и хаоса. И не будемъ, не должны забывать при этомъ другихъ, гораздо болѣе многочисленныхъ слоевъ русскаго народа, для которыхъ вопросъ о власти въ ближайшіе моменты русской исторіи не представляетъ такого непосредственнаго интереса, какъ для буржуазіи и интеллигенціи, — слоевъ русскаго крестьянства и русскаго рабочаго класса. Эти слои, являясь въ дѣйствительности самой жизненной основой государства, только демагогическимъ обманомъ могутъ привлекаться къ преклоненію передъ „завоеваніями" революціи: для нихъ эти завоеванія уже абсолютно ничего, кромѣ несчастій и страданій, не представляютъ, а реальное обладаніе политической властью, когда для этого существуютъ и къ этому стремятся такіе сильные конкуренты, какъ торговопромышленный классъ и готовая идти къ нему на услуженіе „жертвенная" интеллигенція, абсолютно недостижимо. Эти слои можно манить властью только обманомъ. И этотъ обманъ широко практиковался и продолжаетъ практиковаться въ революціи какъ со стороны „жертвенной", особенно соціалистической интеллигенціи, отъ народныхъ соціалистовъ и соціалистовъ-революціонеровъ до большевиковъ, такъ и со стороны не столь „жертвенной", а больше „высококультурной" какъ тоже говорилось на парижскомъ съѣздѣ — интеллигенціи кадетской, ближе стоящей къ крупной буржуазіи, къ торговопромышленному классу, чѣмъ интеллигенція соціалистическая. Крестьянство и рабочій классъ по-прежнему все еще остаются

безъ своей интелигенціи, если не считать слабаго еще пока слоя не столь радикальной и „жертвенной" интеллигенціи, начинающей проникаться національно - демократическимъ, эволюціоннымъ, творчески-консервативнымъ, дѣйствительно народнымъ и государственнымъ міровоззрѣніемъ.

Съ точки зрѣнія соціальныхъ и политическихъ настроеній и идеаловъ, хотя бы угадываемыхъ больше чутьемъ, чѣмъ сознаніемъ, для кресьянства, да и для рабочаго класса, гораздо болѣе близкими, своими, являются такіе культурные слои, какъ духовенство и хозяйствующій помѣстный классъ, а также классъ мелкой и средней, непосредственно хозяйствующей въ своей области, торгово-промышленной буржуазіи, чѣмъ классъ крупной буржуазіи и слой „жертвенной" интеллигенціи, такъ жадно стремящейся къ реальному, по возможности-безраздѣльному обладанію властью. Для крестьянства, для рабочаго класса, для болѣе близкихъ къ нимъ по крови, по духу, по эволюціонности міровоззрѣнія, слоевъ духовенства и національно-демократической интеллигенціи, для мелкой и средней торгово-промышленной буржуазіи, для хозяйствующаго, творческаго средняго и крупнаго землевладѣльческаго класса, являвшагося въ вѣковой исторіи русскаго государства источникомъ не только консервативныхъ, но и, безпорно, даже ярко-прогрессивныхъ началъ въ развитіи культуры и государственности, а потому вполнѣ естественно являющагося и руководящимъ классомъ для всѣхъ другихъ творческихъ слоевъ народа: крестьянства, рабочихъ, мелкой и средней буржуазіи, частью и интеллигенціи, — для всѣхъ этихъ слоевъ и классовъ русскаго народа „завоеванія" революціи являются лишь вреднѣйшей фикціей и злостнѣйшимъ демагогическимъ обманомъ. Пусть та крупная буржуазія, ряды которой въ Россіи пополняются въ значительной степени тѣми по, крови не русскими, „народами", которые добиваются „самоопредѣленія", и та „жертвенная" интеллигенція, которая свой „идеализмъ" на дѣлѣ сводитъ къ служенію этой буржуазіи и къ дѣлежу съ ней политической власти, пусть они говорятъ о томъ, что революція вотъ-вотъ уже даетъ имъ въ руки политическую власть, но пусть они не говорятъ, пусть не лгутъ, что революція дала Россіи и русскому народу въ цѣломъ какія то „завоеванія" . . .

Къ какимъ же выводамъ и заключеніямъ приводитъ анализъ „завоеваній" революціи всѣхъ тѣхъ, кто рѣшительно, органически отвергаетъ ихъ, какъ величайшее зло и несчастіе для Родины, для русскаго Народа, для русской исторіи, для русскаго національнаго дѣла?

Еще разъ попытаемся вкратцѣ сформулировать эти выводы и заключенія.

Революція не создала и не могла создать ничего положительнаго. Ея работа — исключительно разрушительная. Развалъ государства, созданнаго вѣковыми усиліями поко-

лѣній русскаго народа, былъ прямымъ политическимъ результатомъ революціи. Потерявъ государственную организацію и внѣшнюю мощь вмѣстѣ съ разрушеніемъ сильнѣйшей въ мірѣ во времена Царской власти русской Арміи, Россія перестала существовать какъ великая держава. Русскому народу предстоитъ возсоздавать государственную мощь Россіи, затрачивая на это снова тотъ трудъ, какой уже былъ затраченъ предшествующими поколѣніями.

Разрушивъ старую историческую власть, революція органически не смогла замѣнить ее новой властью, способной продолжать созидательную государственную работу. Отсюда — большевизмъ и анархія.

Разрушивъ путемъ демагогическаго возбужденія народной стихіи, въ которой всегда и всюду имѣются элементы неудовлетворенности соціальнымъ неравенствомъ, исторически создающійся соціальный строй, революція не могла вмѣсто него создать новый, болѣе удовлетворяющій народную стихію и создающій лучшія условія для соціальнаго прогресса. Въ тѣсной связи съ соціальнымъ строемъ произошло и разрушеніе основъ организаціи всего народнаго хозяйства страны, обрекшее производство страны на умираніе, а народъ — на голодъ.

Революція, давшая такіе реальные, на дѣлѣ, результаты, не можетъ долго держать въ своей власти народъ и страну. Самосохраненіе народа неизбѣжно должно заставить его свергнуть разрушительное, гибельное иго и бремя революціи. Народъ и страна должны вернуться на путь эволюціи. Но революція, уничтоживъ значительную долю народнаго достоянія и въ матеріальной, и въ духовной, и въ политической области, соотвѣтственно понизила общую мощь народа и государства. Народное эволюціонное развитіе Россіи, достигнутое до революціи, можетъ оказаться отодвинутымъ назадъ. Поэтому можетъ оказаться почва для реакціи не только психологической, но и для реакціи матеріальной во всѣхъ отрасляхъ народной жизни, въ томъ числѣ и для реакціи политической.

Желать этого никто не можетъ, но если это произойдетъ вопреки желаніямъ, въ силу реальныхъ законовъ соціальнаго развитія, всѣ сознающіе и признающіе въ этомъ вину революціи должны будутъ приложить всѣ свои духовныя силы къ тому, чтобы хотя бы исходная точка эволюціонной работы Россіи до революціи возможно скорѣе была достигнута Россіей.

Главнѣйшимъ реальнымъ средствомъ для этого является, конечно, прежде всего, возстановленіе того нормальнаго общаго строя жизни страны, при которомъ эволюціонное развитіе Россіи могло бы продолжаться.

Всѣ элементы этого строя, и моральные, и матеріальные, и экономическіе, и соціальные, и культурные, и политическіе какъ въ фокусѣ сосредотачиваются и отражаются въ вѣнцѣ

государственнаго зданія — въ Верховной Власти Государства.

Анализъ реальныхъ условій, создающихъ тотъ или другой строй этой Власти, убѣждаетъ насъ, что въ Россіи въ данний періодъ ея исторіи, не смотря на жесточайшій внѣшній натискъ революціи на старую историческую русскую власть, Верховная Власть Государства можетъ и должна быть во имя блага русскаго народа и во славу русской исторіи только монархической. Только Монархія, возглавляющая и символизирующая крѣпкую національно-русскую государственную власть, можетъ вывести Россію изъ хаоса и анархіи, созданныхъ революціей, и направить Россію на путь нормальнаго эволюціоннаго развитія. Только Монархія будетъ символизировать для русскаго народа возвращеніе его на путь гражданскаго, соціальнаго и государственнаго порядка и права. Только Монархія будетъ являться въ глазахъ народа прочной гарантіей развитія Россіи на истинно-народныхъ, національно-русскихъ началахъ, единственно обезпечивающихъ національные интересы, національное достоинство и національную мощь русскаго народа. Именно, въ силу этого глубоко-реальнаго значенія Монархіи, русскій народъ вѣками твердо стоялъ „за Царя“ и въ силу этого же значенія теперь, на горькомъ опытѣ испытавъ послѣдствія крушенія и разрушенія вѣковой формы государственнаго строя, русскій народъ уже началъ сознавать и чувствовать свою глубочайшую историческую ошибку. Революція и начинаетъ понимать, что единственный государственный путь исправленія этой ошибки — возвратъ „къ Царю“, т. е. къ вѣковымъ, лишь эволюціонно развивавшимся, устоямъ національной русской государственности, которые русская народная мудрость, государственная чуткость вылила въ такую яркую символическую формулу: „За Вѣру, Царя и Отечество.“

Русскій народъ очнулся отъ гипноза революціи и первой его конкретной политической формулой этого пробужденія къ новой политической жизни, глубоко вѣрно и жизненно, является возвратъ „къ Царю“. Намъ, интеллигентнымъ верхамъ народа, остается только идти за народомъ, вносить въ его политическое чутье возможно больше логической ясности, поддерживать политическое чувство народа силой политическаго убѣжденія. Въ этомъ — важнѣйшая наша идеологическая задача. О практическихъ путяхъ воплощенія этой важнѣйшей политической идеи русскаго народа, просыпающагося отъ страшнаго сна революціи, мы въ данномъ докладѣ говорить не будемъ. Наша задача сейчасъ, въ настоящемъ докладѣ, только идеологическая. Но значеніе идеологіи — безконечно велико. Когда въ народѣ и въ его болѣе активнихъ политическихъ слояхъ наростаетъ чувство, идея, наконецъ — убѣжденіе, реальные пути, средства и силы для осуществленія осознанной національной идеи и задэчи найдутся сами собою. Найдется національная вооруженная сила, жизненно реально всегда

являющаяся наиболѣе дѣйственнымъ факторомъ въ рѣшенiи такихъ основныхъ нацiональныхъ задачъ. Найдется достойный вождь этой нацiональной вооруженной силы. Найдутся матерiальныя средства для ея поддержанiя. Найдется авторитетъ этой силы не только въ глазахъ самого народа, ее создающаго, но и въ глазахъ внѣшнихъ государственныхъ силъ, международныхъ, для которыхъ существованiе Россiи, какъ живого организма, а не полуразлагающагося трупа, грозящаго зараженiемъ трупнымъ ядомъ всему мiру, является далеко не безразличнымъ...

Конечно, и объ этихъ реальныхъ путяхъ, силахъ и средствахъ должны думать до мельчайшихъ даже техническихъ подробностей плана тѣ, кому это по силамъ, кто технически къ этому призванъ. Но здѣсь мы говоримъ только объ идейной, идеологичесысй сторонѣ дѣла. И первымъ идеологическимъ требованiемъ къ тѣмъ, кто чувствуетъ въ себѣ силу и убѣжденiе идти за русскимъ народомъ по пути къ возрожденiю эволюцiонныхъ путей развитiя Россiи, т. е. прежде всего, и главнѣе всего — къ возстановленiю исторической формы Верховной Русской Власти — Монархiи, какъ политической гарантiи лучшаго будущаго Россiи, должно являться тѣснѣйшее политическое объединенiе всѣхъ тѣхъ политическихъ теченiй, партiй, группъ, элементовъ, которые въ основу своего политическаго мiровозрѣнiя ставятъ признанiе революцiи величайшимъ зломъ и несчастьемъ для Россiи, величайшимъ преступленiемъ передъ Россiей и передъ русскимъ народомъ. Необходимо создать единое Русское Нацiональное Объединенiе, какъ органическую противуположность существующему революцiонному объединенiю извѣстныхъ русскихъ политическихъ партiй, группъ и элементовъ. Отношенiе къ революцiи — наиболѣе всеобъемлющiй идеологическiй признакъ „Русскаго Нацiональнаго Объединенiя". Безусловно необходимымъ политическимъ признакомъ этого „Объединенiя" должно являться признанiе принципа Монархiи для возрождающейся Россiи. Объ этомъ нужно заявить и всегда заявлять открыто, рѣшительно, съ глубочайшимъ и непоколебинымъ убѣжденiемъ, такъ какъ безъ этого признанiя „Русское Нацiональное Объединенiе" не было бы нацiональнымъ, а политическая программа „объединенiя" не имѣла бы живого содержанiя. Такъ называемыя, „тактическiя" умолчанiя для здоровой жизненной политической идеологiи не только ненужны, безполезны, но и положительно вредны. Они подрываютъ вѣру въ глубину убѣжденiя, а безъ вѣры идеи — лишь мертвыя логическiя формулы. Для враговъ данной идеологiи умолчанiя совершенно неубѣдительны. Истинная сущность идеологiи и при умолчанiяхъ такъ же ясна, какъ и при открытыхъ утвержденiяхъ, а уклоненiе отъ борьбы съ врагомъ за свои убѣжденiя, конечно, только ослабляетъ значенiе и силу идеологiи. Срывать практическiй успѣхъ „подъ шумокъ"

можетъ быть иногда и можно, но значеніе такого успѣха лишь временно и ничтожно. Лучше много разъ терпѣть пораженія, но добиться, наконецъ, закаляясь въ борьбѣ, прочной побѣды, чѣмъ довольствоваться успѣхами „подъ шумокъ“ и воспитывать вреднѣйшую въ развитіи политической массы психологію страуса.

Жизненной основой и силой идеологіи „Русскаго Національнаго Объединенія“ является наличіе среди русской эмиграціи, разбросанной по всему міру, многочисленныхъ иногда даже въ одномъ и томъ же центрѣ группъ и группировокъ, болѣе или менѣе полно и согласно принимающихъ эту идеологію. Основой и силой этой идеологіи является сочувствіе ей, вѣрнѣе, соотвѣтствіе ея политическимъ настроеніямъ широкихъ массъ русскаго народа: православнаго хозяйственнаго крестьянства и близкой ему по духу части рабочаго класса, почти безусловно всего русскаго православнаго духовенства, всего хозяйственнаго землевладѣнія, мелкой и даже средней торгово-промышленной національно русской буржуазіи, наконецъ извѣстной части національно чувствующей и національно настроенной русской интеллигенціи. Въ этихъ весьма крупныхъ, количественно самыхъ крупныхъ въ Россіи соціальныхъ элементахъ, — крѣпчайшая база для роста той будущей, наиболѣе сильной политической партіи въ Россіи, которую мы можемъ назвать Русской Народной, Русской Національно-Демократической, Русской Національной Государственной партіями, какъ хотите не въ названіи дѣло и ядро которой, — русская національно-настроенная эмиграція — и можетъ, и должна создать здѣсь на чужбинѣ, въ революціонномъ изгнаніи. Не нужно, чтобы въ Константинополѣ, Бѣлградѣ, Берлинѣ, Парижѣ и т. д. существовало по нѣсколько фактически весьма однородныхъ, но стремящихся жить каждая сама по себѣ, русскихъ національно мыслящихъ, обычно вполнѣ опредѣленно монархическихъ группъ и группировокъ, со своими отдѣльными „совѣтами“ со своими отдѣльными, по необходимости тощими, кассами и т. п. Необходимо всѣмъ имъ слиться въ единую и уже по одному этому гораздо болѣе мощную организацію, назовемъ ли мы ее партіей, объединеніемъ или союзомъ — безразлично. Хотя безъ народа, безъ территоріи существованіе политической партіи, вѣрнѣе ея нормальное функціонированіе, дѣйствительно невозможно, но съ точки зрѣнія созданія ядра будущей партіи, политическое функціонированіе котораго немедленно начнется на родной землѣ, и возможно и предпочительнѣе говорить именно объ образованіи здѣсь, на чужбинѣ ядра будущей единой русской политической партіи, стоящей на признаніи эволюціи, а не революціи, на признаніи русской національной идеи и на признаніи русской національной — въ данной моментъ неизбѣжно монархической — государственности. Необходимо теперь же, здѣсь, создать объединяющій Центръ этой будущей русской

политической партіи. На мѣстахъ необходимо создать такіе же объединяющіе центры для отдѣльныхъ районовъ русской эмиграціи. Необходимо изъ этихъ центровъ развивать возможную въ печальныхъ условіяхъ эмиграціи политическую дѣятельность всюду, гдѣ есть малѣйшая замѣтная группа русской эмиграціи. Необходимо создавать и поддерживать свои органы печати, такъ какъ безъ своей печати существованіе современныхъ политическихъ партій невозможно.

Необходимо, хотя бы отъ времени до времени, выпускать сборники въ цѣляхъ разработки вопросовъ идеологіи и программъ будущей національной русской партіи.

Въ этой партіи должны будутъ объединиться всѣ эволюціонные, хозяйственно и политически творческіе слои и элементы русскаго народа. Раздѣленіе и дробленіе однородно направленныхъ политическихъ силъ по классовымъ, соціальнымъ оттѣнкамъ и нежелательно, и невозможно. Едва ли допустимо думать, что сословный строй въ Россіи можетъ возродиться въ старыхъ формахъ и въ старомъ объемѣ. Мы должны быть, тѣмъ болѣе, рѣшительно противъ возстановленія его путемъ насильственнымъ. Реальныя соціальныя различія, конечно, не могли и не могутъ быть уничтожены никакой революціей. Они будутъ существовать и въ возрожденной Россіи. Но настаивать на сословной формѣ ихъ было бы политически и нецѣлесообразно, и вредно. Однако, различные соціальные, элементы могутъ быть сходными, близкими по духу политически. Крупный землевладѣлецъ, ведущій капиталистическое хозяйство, можетъ быть политически гораздо ближе мелкому трудовому землевладѣльцу, чѣмъ интеллигентъ-соціалистъ или чѣмъ представитель крупной буржуазіи. Объединеніе и политическая солидаризація русскаго хозяйственнаго крестьянства съ землевладѣльческимъ капиталистическимъ слоемъ и возможна, и желательна въ ихъ взаимныхъ интересахъ. И это объединеніе можетъ быть, и должно осуществиться въ такой народной, національно — демократической монархической партіи. Это даетъ гораздо большіе и классовые, и общенаціональные реальные результаты, чѣмъ политика сословной обособленности. Бывшему „высшему“ сословію вполнѣ понятна здоровая идея солидарности классовъ, особенно классовъ, хозяйственный духъ которыхъ во многомъ однороденъ. Эта солидарность была раньше на почвѣ, главнымъ образомъ, хозяйственныхъ отношеній. Теперь она должна быть и на почвѣ отношеній политическихъ. Противъ исключительныхъ несоразмѣрныхъ претензій на политическую власть со стороны крупной, космополитической, почти интернаціональной торгово-промышленной буржуазіи должно быть выдвинуто политическое объединеніе въ Народной, Національно-Демократической партіи буржуазіи землевладѣльческой и земледѣльческой, значеніе которой въ народно-хозяйственной жизни Россіи, какъ страны недавно

еще, главнымъ образомъ, сельско-хозяйственной, безспорно даже важнѣе, чѣмъ значеніе буржуазіи торгово-промышленной. Революція, выдвигая на политическую авансцену въ Россіи крупную космополитическую торгово-промышленную буржуазію, тѣмъ самымъ выдвигаетъ въ оппозицію ей національную сельско-хозяйственную буржуазію, въ которой весьма достаточно активную и положительную роль можетъ и долженъ будетъ играть болѣе культурный слой капиталистическаго русскаго сельскаго хозяйства, какова бы ни была соціальная структура и форма этого слоя.

Итакъ, русская Монархія, единственно соотвѣтствующая всѣмъ жизненнымъ интересамъ многомилліоннаго слоя русскаго землевладѣльческаго крестьянства, можетъ и должна быть національной и народной, т. е. демократической, какой она была во всѣ столѣтія своего историческаго существованія. Въ ней политически сочетаются и объединяются главнѣйшія положительныя, творчески — государственно наиболѣе устойчивыя силы русскаго народа: земледѣльческое крестьянство, земледѣльчески хозяйствующій классъ, національные элементы буржуазіи и интеллигенціи, а моральную силу и устойчивость Монархіи символизируетъ вѣрная хранительница монархическаго принципа — Православная Церковь.

Русское монархическое движеніе — не классовое, а національное движеніе; не реякціонное, а глубоко прогрессивное, т. к. оно зоветъ народъ, страну и государство на путь эволюціоннаго, т. е. прогрессивнаго развитія. Русское монархическое движеніе зоветъ къ исправленію глубочайшей исторической ошибки русской исторіи — революціи и того жесточайшаго регресса въ развитіи русскаго народа и государства, какой вызвала и создала революція.

Май 1921 г. **Проф. Локоть.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛЪ.

Типографія „Нейе Цейтъ" Берлинъ-Шарлоттенбургъ, Берлинерштр. 40.